

Между двумя датами (3 января – 19 января)

Водная стихия в лирике Н. Рубцова

Вода – самая проявленная стихия в лирике Николая Рубцова. Если он и упоминает только дважды «всемирный потоп» (в стих. «Осенние этюды» и «На реке Сухонь»), то в самих его произведениях библейский масштаб воды, её силы, её способности «срывать семейные якоря» и вселять в человека «чувство радости беспечной», «вносить смятение и тоску» и дарить пушкинскую «светлую печаль» прорывается явно, как никакая другая стихия! Даже столь широко описанная в работах о поэзии Рубцова стихия ветра.

Уже в первых четырёх стихотворениях книги «Подорожники» «водные слова» буквально захлёстывают нас, выплывая в текстах более тридцати раз! Торопливый немолкучий шум воды, паром, проливные дожди, речная мель, туман полей, мерцание луж, бурлящий овраг...

Более ста стихотворений сборника «Подорожники» (это исключая раздел «Из ранних стихов») пропитаны снегом и льдом, дождями и туманами, знобким болотом и речными водами.

Вкупе со стихией ветра, метели, вьюги, с мглой и мраком, с дорогой водная стихия всего ярче обозначает неустрашенность бытия лирического героя, что рождает в нас ответное острейшее и щемящее чувство сопереживания, подобное по силе, скажем, «Арии» Грига из цикла «Времен Хольберга».

*Не порвать мне мучительной связи
С долгой осенью нашей земли,
С деревцом у сырой коновязи,
С журавлями в холодной дали.*

Всё предельно зябко, и всё смертельно связано одновременно: мучительное-долгое-сырое-холодное... Водная стихия претекает и перетекает из стихотворения в стихотворение, редко радуя нас покоем, неустрашенностью деревенского бытия и лирического героя:

– ... зябко в поле непросохшем...
– ... в мокрых вихрях столько блажи,
столько холода в пейзаже...
– ... водой болотной плещет...
– ... дни осенних горестных дождей...
– Потонула во мгле отдалённая при-
стань...
– ... ворочаются, словно крокодилы,
меж зарослей затопленных гробы...
– ... ревушей снежной бури...
– ... знобящие поля...

Сотни примеров! Водная стихия крепко связана со стихией прежде всего «осеннего распада» и чего-то последнего: «всё движется к тёмному устью», «и последние ночи близки», «смерть приближалась, приближалась...», «и лодка моя на речной догнывает мели».

Что осталось в памяти у Коли Рубцова от Емецка Архангельской области, где он родился и провёл первые шесть лет своей жизни? Бывал я там уже с десяток раз и уверенно отвечаю: воды Северной Двины и Емцы, болота, подступающие к этим двум рекам. Такие речные дали, такие просторы сверкающих вод никого не оставят безучастными. Да и тогда, когда ему пришлось (сироте!) переехать в Николу (как он называл село Никольское, где был детский дом), он оказался среди диких лесов, болот и речек. В глуши России, в одном из самых затерянных её уголков. Потому-то река, вода, болото, омут, берег, побережье, лодка, мост, паром с паромщиком, весло, паром, дождь и туман – ключевые слова его поэзии. И уж точно наиглавнейшие – стихи воды в его стихотворениях.

Но среди них есть четыре абсолютно доминирующие: река, вода, болото и омут и соответствующие им прилагательные.

Река нередко символизирует у Рубцова движение жизни, само её течение, надежду на перемену к лучшему или ностальгический всплеск по неосуществлённому, ушедшему безвозвратно. Оттого рядом часто караулит глагол «плыть» в разных его грамматических вариациях и формах: уплыть, плыть, отплытие, плавал... Движение по воде у поэта – это нередко уход

от «дней непогоды» в душе, от «смятения и тоски», одиночества.

*Когда в окно осенний ветер свищет
И вносит в жизнь смятенье и тоску, –
Не усидеть мне в собственном жилище,
Где в час такой меня никто не ищет, –
Я уплыть за Вологду-реку!*

Тут-то и приходят на помощь излюбленные паром, катерок, лодка, паром с паромщиком. И – увозят «из скучного дому»!

Иногда течение вод обретает черты эпохального движения времени, слома эпох, пересечения временных слоёв, как, например, в великом «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...», куда, по сути, вместились целое столетие, и какое еще! И метафорические реки, лодки, шесты наседают звёздное вещество стихотворения:

*Боюсь, что над нами
не будет таинственной силы,
Что, выльв на лодке,
повсюду достану шестом...*

Движутся воды времени... Страхнёшь с себя сон воспоминаний, и перед тобой откроется грустный, странный облик России с расстраченной красотой; и сам ты со жгучей болью утраты лучшего в себе: ушла таинственная сила сопричастности красоте мира, мир как загадка, как тайна перестал существовать; всё стало унылым, приземлённым. А глубину банальных истин легко «измерить шестом»...

С водой, однако, связаны и самые гармоничные стихотворения поэта, как, например, «Душа хранит», «У сгнившей лесной избушки...».

Как-то написал о втором: «Есть у Рубцова очаровательное стихотворение, внешне очень простое, скромное, вроде неприметное на фоне «злого, настаивающего топота», «утраты знобящих полей», «фуфаячки грязной»...

Оно – в числе тех редких, единичных стихотворений поэта, где царствует гармония, примирение с миром и полное растворение с ним. Если задаться целью найти в творчестве поэта еще нечто подобное, вы сделаете это с трудом, потому что – уверяю вас – найдете только пару-другую стихотворений.

Есть в нём неанализируемая прелесть и простота, сродни лучшим пейзажным стихотворениям Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Майкова, Фета, Никитина, Сурикова, Плещеева...
Как у Майкова:

*Люблю дорожку лесною,
Не зная сам куда, брести,
Двойной глубокой колею
Идешь, и нет конца пути.*

Стихотворение Н. Рубцова «У сгнившей лесной избушки» – настоящий шедевр. Но шедевр, невольно затерявшийся среди лейтмотивного «осеннего распада». Но наступает миг, когда оно вдруг цельно, ясно, бесспорно – как-то вдруг – пленяет вас. И уже никогда не оставляет. Хотя нет в нём ярких метафор, всё рассказано внешне скромным поэтическим языком.

*У сгнившей лесной избушки,
Меж белых стволов бродя,
Люблю собирать волнушки
На склоне осеннего дня.
Летят журавли высоко
Под куполом светлых небес,
И лодка, шурия осокой,
Плывёт по каналу в лес.
И холодно так, и чисто,
И светлый канал волнист,
И с дерева в мягком свистом
Слетает прохладный лист,
И словно душа простая
Проносится в мире чудес,
Как птиц одинокая стая
Под куполом светлых небес.*

Прохладное и светлое-светлое стихотворение Рубцова...»

И всё-таки река с её берегами, побережьем, холмами над ней, воды – тревожный рубеж перемен, движения из ненастья к

свету (или наоборот). Тревожный, иногда и трагически осязаемый читателем. Его «неизвестный» (из одноимённого стихотворения) погибает как раз на рубеже:

*Он вышел на берег морозной,
Безжизненной, страшной реки!*

*Он вздрогнул, очнулся и снова
Забывая, качнулся вперёд...
Он умер без крика, без слова,
Он знал, что в дороге умрёт.*

Море... Его тоже нельзя не заметить в лирике Рубцова: всё-таки и четыре года морской службы и работа в тралфлоте. Десятки его стихотворений из ранней лирики посвящены ему. И всё-таки никому, уверен, не придёт в голову назвать Николая Рубцова и певцом моря. Стихия речек, болот, озёр главенствует неоспоримо, и именно она, а не море, созвучна душе поэта – мучительное пространство «серой воды и серого неба» его Вологодчины прежде всего.

Море... Скорее для Николая, как и для многих других молодых людей того времени, оно было естественным посылом, знаком молодости, романтики. Мальчишеское, отважное, устремлённое в будущее и слышим мы в его ранней лирике:

*Я, юный сын морских факторий,
Хочу, чтоб вечно шторм звучал,
Чтоб для отважных вечно – море,
А для уставших – свой причал.*

Но не для моря был рождён поэт Рубцов. Хотя, надо признать, что в нескольких его («морских») эскизах явно проступает голос любимого нами Рубцова. Он различим нами в стихотворениях «Филалки», «Возвращение из рейса», «Ты с кораблём прощайся»... Эти и ещё с пару стихотворений ранней лирики Рубцова, связанные с морской стихией, опутаны «нервной системой» лексики, интонации его шедевров.

*Душа матроса в городе родном
Сперва блуждает, будто бы в тумане:
Куда пойти в бушлате выходном,
Со всей тоской, с получкою в кармане?*

*Он не спешит ответить на вопрос,
И посреди душевной этой смуты
Переживает, может быть, матрос
В суровой жизни лучшие минуты.
(«Возвращение из рейса»)*

Через несколько лет после службы на флоте поэт преспокойно (естественно!) расстанется с морской темой, а если и всплывёт она по тем или иным причинам в ряде его стихотворений, то в целом они ничем не примечательны. Хотя нет, как раз тем, что в них-то у проскальзывает невольно неорганичность темы поэту. Прочтите его «Давай, земля, немножко отдохнём» или «Жар-птицу», уже совсем рубцовскую. В них-то и утверждается привязанность прежде всего сельскому простору:

*Там, за морями,
Полными задора,
Земля моя,
Я был нетерпелив, –
И после дива нашего простора
Я повидал
Немало разных див.*

А через строфу читаем:

*Вокруг любви моей
Непобедимой
К моим лугам,
Где травы я косил,
Вся жизнь моя вращается незримо,
Как ты, Земля,
Вокруг своей оси...*

«Непобедимая любовь» к сельской Руси, возврат к изначальному, главному, «смертному и жгучему» едва не гимном звучит в стихотворении необыкновенной красоты – в «Жар-птице». Не на море – в деревне «виднее над полем при звёздном салюте, на чём поднималась великая Русь»:

*Мотало меня и на сейнере в трюме,
И так, на пирушках, во дни торжества,
И долго на ветках дорожных раздумий,
Как плод созрела моя голова.*

*Не раз ко двору, где сиял карнавал,
Я ветреным фантом в машине катился,
Ну, словом, как бог, я везде побывал
И всё же, и всё же домой воротился...*

И именно здесь незримо произносится вслед за сельским пастухом «каннибалова клятва» любить «родную окрестность, вот это десяток холмов и полей...». Ручейки, реки, холмы и побережья, лодки и пароходы легко, безо всякого драматизма вытесняют из лирики поэта рынды, трюмы, паруса, сейнеры, авралы... Органично безболезненно и безо всякого боя занимает свои высоты...

У любого стоящего поэта есть строчки, некие однородные построения, куда он вмещает нечто бесконечно дорогое для него. Нечто символизирующее его привязанности, знаки «родимой окрестности» – то, наверно, что может всплыть перед смертью, как самое нажитое душой. Покинь родину, закрой глаза, и «родная печаль» всплывёт картинками, совершенно осязаемыми («холмами и полями»)... Это вроде есенинского «Не жалею, не зову, не плачу...», только с разворотом всё же к радости бытия, к любимой матери, что прикипела к тебе за жизнь.
У Рубцова в «Ферапонтово» читаем:

*И однажды возникло из грёзы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как берёзы,
Диво дивное в русской глуши!*

Трава, вода, берёзы... И если учесть контекст стихотворения, повествующий о фресках Дионисия, Ферапонтовом монастыре на Вологодчине (где я тоже был!), «земной красоте» – Божьей! – то еще благодатней, что ли, проступают три совершенно банальных, простых слова. Водная стихия входит в треугольник рубцовского понятия красоты. Стихотворение завершается гимном сельскому миру, деревне:

*Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле,
И казалась мне эта деревня
Чем-то самым святым на земле...*

Классически известна триада из шедевра «Тихая моя родина» – «ивы, река, соловы». Они и идут сразу за всеобъемлющим «родина», просто расщепляя незримое общее на абсолютно зримое и конкретное!

Но я о «воде», «водном» у поэта. Они, соперничая на равных с рекой и дождями, болотом и омутом, придают лирике Рубцова свои неповторимые оттенки. Какие же?

Во-первых, скажем, что «вода» в его поэзии исключительно редко проявляет себя враждебно человеку, редко выступает как разрушительная стихия. Да, есть тайна, есть загадка, есть туман и мрак, есть то, что лишает покоя, но это лишение покоя сродни поэтическому волнению в душе, предощущению творчества:

*И так в тумане омутной воды
Стояло тихо кладбище глухое,
Таким всё было смертным и святым,
Что до конца не будет мне покоя.*

Непреходящее волнение! А эпитет «смертным», сочетаясь со «святым», гасит горечь и скорее примыкает здесь к другому смертному – «смертной и жгучей связи». И там, и там – кровная связь с родным, что не пресечётся.

Только в стихотворении «Седьмые сутки дождь не умолкает» водная стихия достигает библейских масштабов и «ломится...» через пороги, семейные срывая якоря... И внешне в нём она проступает как отзвук картин живописцев, отразивших «безжизненную водную равнину» всемирного потопа. Но и тут Рубцов, рисуя страшные картины, оставляет надежду:

Продолжение на стр. 4

Продолжение. Начало на стр. 3

Слабеет дождь... вот-вот...
ещё немного...
И всё пойдёт обычным чередом.

Во-вторых, вода обнаруживает в себе полноту всего дождевого, болотного, речного. Она объединяет их в себе. Она символизирует объём, безбрежность, наполненность собой «родной окрестности». Вода у Рубцова – эта и бесконечная горизонталь и глубокая, таинственная вертикаль, в стихотворении «Ночь на родине» выступающая почти мифологически, сливаясь с «высоким дубом» как Древом Мира.

Вода ещё и полая, полынная, являющая себя в половодье – открытая, чистая, неоглядная.

Мистическое, таинственное, поэтическое начинает звучать в ней, когда она соединяется с другим водным словом – «омут». Вот тут-то и начинаются, может быть, самые рубцовские нотки, неповторимые: рождаются поэтические страхи. Тут-то начинают витать над водами, омутами и болотами туманы, тут-то и сгущается таинственная мгла... Омуты и болота придают аромат сказочности поэзии Рубцова, воскрешая в нашей памяти и великие полотна русских живописцев, и сказки с омутами и лешими, ведьмами и русалками, Алёнушками:

Заскрипели ворота,
Потемнели избушки,
Закачалась над омутом ель,
Слышен жалобный голос
Одинокой кукушки,
И не спит по ночам коростель.

Разве нет тут сказочного! Или вот это:

И закружат твои глаза тучи плавные
Да брусничных глухих трясин
Лапы, лапушки...

Таковы на Руси леса,
Достославные,
Таковы на лесной Руси
Сказки бабушки.

И как уместно в сказочном звучит «Русь»!

В-третьих, конечно же, вода – неотъемлемый спутник грустного «осеннего распада», провозвестник «ревущей снежной бури»:

– Захлебнулись поле и болото дождевой водою...
– Шумит холодная вода...
– Водой холодной плещет, водой болотной хлещет...

И всё-всё родственное ей: мокрая кошура, угрюмые волны, мрак ненастья, дождь и грязь, размытый путь, мокрый снег, сумерки и сырость, морящийся дождь, осенний поток, ливень... Зябко! Грустно... Но это мы снова возвращаемся к осеннему у поэта.

Завершу тему «водной стихии» в поэзии Рубцова одним из самых поэтических мест в «Осенних этюдах»:

От всех чудес всемирного потопа
Досталось нам безбрежное болото,
На сотни вёрст усыпанное клюквой,
Овеянное сказками и былью
Прошедших здесь
крестьянских поколений...
Зовёшь, зовёшь... Никто не отзовется...
И вдруг уснёт могучее сознание,
И вдруг уснут мучительные страсти,
Исчезнет даже память о тебе.
И в этом сне картины нашей жизни,
Одна другой туманнее, толпятся,
Покрытые миражной поволокой
Безбрежной тишины и забвения.
Лишь глухо стонет дерево сухое...

Гипнотически действующие строки! Это как телепортация в прошлое через «забытьё», полное растворение в тишине, забвение самого себя. Уничтожение самого себя – «исчезнет даже память о тебе»! И как на поверхности какого-то шаманского колдовского котла зыблются, колышутся миражи исторического прозрения (и поэтического!)
Поэтическая медитация...

Николай ВАСИЛЬЕВ

Анкета. Чтение 2019

Галина ШЕКИНА,
Вологда

ЭТИ АВТОРЫ НЕИЩЕРПАЕМЫ

1. Открыла двух воронежских писателей – это Федор Ошевнев (рассказы) и Лена Дудукина – поэт, автор книги «В этом городе». Прочитала о них в работах участников Премии «Эхо»

Открыла для себя критика Евгения Ермолина (Ярославль). Многократно бывал в Вологде.

Парадоксально мыслит («экзистарнс и мультиавторство»), но прочла не полностью.

Открыла рассказы Михаила Анчарова, которого знала как романиста. А тут вышло новое издание «Теории невероятности», 1 том. Чудо, а не рассказы. Теплые.

2. Перечитала рассказы Михаила Жаравина по причине 60-летия со дня его рождения. Поучаствовала в выпуске книги «Михал Жаравин крупным планом», собирая отзывы.

Перечитала Михаила Сопина, книга «Сто стихотворений» вышла в 2019 в С.-Петербурге. Эти авторы неисчерпаемые.

3. Не знаю, насколько они лучшие, но впервые прочитала роман польского автора Ольги Токарчук «Дом дневной, дом ночной» и роман австрийского автора Петера Хандке «Долгое возвращение домой» – потому что лауреаты Нобелевской премии по литературе 2018 и 2019 годов. Чтение трудное, но стоит того. Это романы глобальные.

Руслан ГАРБУЗОВ,
Санкт-Петербург

КАК В ЮНОСТЬ ВЕРНУЛСЯ

Читал, в основном, литературу не художественную: Соловьёва, Ключевского, Чичерина (Бориса, не советского наркомана). Тешил своё самолюбие подтверждением собственных наблюдений за ходом отечественной истории.

Открытием, между тем, стала книга Всеволода Зельченко «Стихотворение Владислава Ходасевича «Обезьяна». Комментарий» (Новое издательство, 2019). Комментарий объёмом более ста страниц одного стихотворения. Вещь потрясающая. Читал и – как в юность вернулся – чувствовал себя студентом филологического факультета.

Чехова перечитывал повести. Здесь без комментариев.

Стихи, конечно. Кроме наших, стихирских, Бродского, Чухонцева, Тарковского... да много ещё.

Елена СОЛОДЯГИНА,
Няндомы

НАХОДОК БЫЛО МНОГО

1. Какие книги современных русских авторов вы открыли для себя в 2019-м году.

В этом году буквально зачитывалась Юлией Кузнецовой «Дом П», «Выдуманный жучок», «Где папа?», «Помощница ангела», «Первая работа» и «Первая работа. Испания».

2. Лучшие книги современных зарубежных авторов.

Лучшим в этом году из современных зарубежных авторов для меня стал Фредерик Бакман, у него я прочла две книги «Вторая жизнь Уве» и «Бабушка велела кланяться и передать, что просит прощения».

ния».

В целом читательский год сложился удачно, разочарований больших не было, а находок было много. Одна из них книга Софьи Радзиевской «Болотные робинзоны». Эта книга сопровождала меня большую часть года: сама я прочла ее в январе, она мне понравилась и однажды вечером на просьбу племянника почитать перед сном, я кратко пересказала её сюжет. Через пару недель от Серёжки поступил «заказ» на повторный пересказ, а когда он в третий раз попросил пересказать «Робинзонов» мы сходили в библиотеку, взяли книгу еще раз и во всех подробностях 2 недели читали перед сном. Потом мы не раз возвращались к сюжету. После этой книги мы с ним прочли много книг о войне, например, почти всю серию «Дедушкины медали», а совсем недавно дочитали книгу «Дети Ивана Соколова» Владимира Шмерлинга, которую я читала в детстве.

Еще несколько находок меня ожидало в подборке книг, которую подготовила библиотека им. Добролюбова для нашей няндомской библиотеки для участия в Межмуниципальной конференции приемных родителей «Семья – теплый дом». Особенно мне понравились «Кузя, Мишка, Верочка... и другие ничейные дети» Татьяны Губиной, «Дядюшка-флейтист» Клавдии Лукашевич, «Боишься ли ты темноты?» Светланы и Николая Пономаревых, «Где нет зимы» Дины Сабитовой.

Хочу также упомянуть книги «Совиный волк» Анастасии Сорокиной, она похожа немного на «Маленького принца» Экзюпери, и «Ключ от города Антоновска» Михаила Логинова – напоминает ситуацию с Шиесом.

Перечитывая Абрамова, наткнулась на нечитанные рассказы, приняла участие в акции «Читаем Абрамова всей страной». На будущий год запланировала прочитать «Братья и сестры». В очередной раз прочла «Посёлок» Кира Бульчёва, а его серию про Алису читаю вечерами Серёжке (совмещаю, так сказать, приятное с полезным).

Галина ДОЛГОБОРОДОВА,
Карпогоры

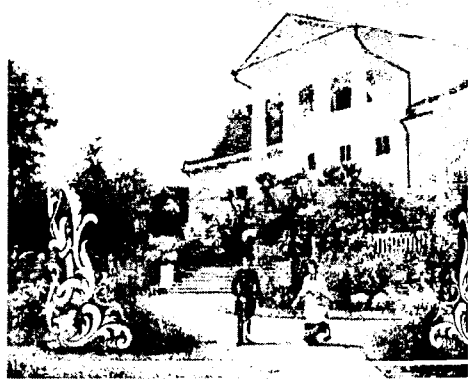

СТЕРОЯМИ АБРАМОВА ПРОЖИВАЮ СВОЮ ЖИЗНЬ

Первая запись в моём читательском дневнике датируется 14.03.2019 г. Это значит, конечно, что до этого я ничто не читала. Нет, чтение для меня – настоящее удовольствие, приобретение новой книги – радость несказанная, а поход в книжный магазин мне гораздо интересней, чем так популярный ныне шопинг. Многочасовые похождения по магазину одежды, обуви, косметики, украшения – вот читательский дневник никогда не о чём жалею иногда – интересно было сравнить впечатления от прочтения одной и той же книги сейчас и лет двадцать зад.

Но вернёмся к заданной теме. Из ушедшего года. На первой странице моего дневника обозначено «Сказание о де Китеже». Я уверена, что читать и так же православные летописи очень интересно и полезно. Хотя бы для того, чтобы думать о своей жизненной миссии, чтобы увидеть разрушенный, но вдруг ставший из руин град – это подвиг только человеку, прошедшему путь вины и веры.

Далее – Иван Алексеевич Бунин. Писано несколько страниц своих впечатлений, записаны высказывания русского писателя о Бунине. Больше всего о нём писал его современник Александр Куприн – «Тихая, мимолётная и вечно-нежно-красивая грусть, грациозная, думчивая любовь... ясная печаль последних дней». Лучше и не выразить моих впечатления после прочтения нескольких сказов Бунина, его «Жизни Арсения».

А вот «Окаянные дни» так и лежат в ладочке посередине книги... и ждут своего часа. Добавлю, однако, и свою мысль: писанную как итог после всех замечательных удивительно легко ложится мысль на бумагу после прочтения Бунина. Думаю секрет тут в простоте и очень точном пространно-объёмном изложении, смотря на то что читала Бунин с детства, до восхищения им дело пока ещё не дошло. Мне иногда очень нужно повторять дважды, а то и трижды какую-нибудь вещь, что понять, осознать и... восхититься!

Немного отступлю от страничек дневника и поведаю о своих читательских находках на ближайшее будущее. К 100-летию своего знаменитого писателя – земляка Ф.А. Абрамова задумала я перечитать его произведения. И вот уже прочитала все четыре книги романа «Братья и сестры», повести, рассказы, путевые заметки о зарубежных поездках. Параллельно с чтением романа пересматривала уже раз виденный телесериал Т. Эсадзе «Зима и три лета». Как оказалось, такое повторное чтение усилило моё проникновение в сюжет романа, в образы героев, объединяющих их.

Продолжение на